

мистов. Гоголь блестяще имитирует и в свете «убийственно тонкой»¹⁰⁹ иронии представляет самые типичные происшествия и тенденции литературного процесса, важнейшим участником которого являлся его адресат, чье одобрение он надеялся заслужить. Пушкин отреагировал так: «Проект Вашей ученой критики удивительно хорош. Но Вы слишком ленивы, чтоб привести его в действие».¹¹⁰ Несмотря на положительную оценку, в этом ответе звучит некоторая сдержанность. Пушкин, возможно, понимал, что гоголевский «проект» не будет реализован, либо не желал этого. Тем не менее в наброске Гоголя обнаруживается замечательная черта его творческого дарования, позднее в полной мере раскрывшаяся в художественных произведениях, — способность улавливать и точными штрихами изображать в комическом ключе характерные, сущностные черты жизненных явлений, добываясь тем самым обобщенности и узнаваемости образов.

¹⁰⁹ Манн Ю. В. Гоголь. Труды и дни. С. 226.

¹¹⁰ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 14. С. 215 (письмо от 25 августа 1831 года).

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-4-29-37

© Л. В. ДЕРЮГИНА

«ТЕПЕРЬ Я ЖИВУ В ДЕРЕВНЕ, СОВЕРШЕННО ТАКОЙ, КАКАЯ ОПИСАНА НЕЗАБВЕННЫМ КАРАМЗИНЫМ» (К ТЕМЕ РУССКОГО ПОМЕЩИКА У Н. В. ГОГОЛЯ)

В недавнее время исследователи обратили внимание на литературный тип русского помещика в его новом, не сатирическом и не обличительном, а положительном осмыслении — в свете его «высокого предназначения, нравственной миссии, священного христианского долга»; место его определяется «не столько в общественной иерархии, сколько в целой системе мироустройства».¹ Тип этот отчасти прослеживается и в XVIII веке; а в XIX представлен у писателей первого ряда — Гончарова, Тургенева, Достоевского, Толстого и Чехова. Ближе к началу ряда — Гоголь с «Мертвыми душами» и письмом «Русской помещик» (1846) из «Выбранных мест...», собственно и задавшим последующее осмысление темы, а до него Карамзин, с «Письмом сельского жителя» (1803),² оказавшим признанное влияние на эту статью Гоголя.³ Обнаруживаются существенные аналогии между этими произведениями Карамзина и Гоголя; и важнейшая из них — то, что гоголевская статья проникнута «восходящей к „Письму сельского жителя“ и предваряющей толстовское „Утро помещика“ мыслью: быть помещиком над своими крестьянами повелел тебе Бог, и он взыщет с тебя, если б ты променял свое званье

¹ Сапченко Л. А. Русский помещик (к типологии литературного героя) // Н. В. Гоголь и русская литература: К 200-летию со дня рождения великого писателя. Материалы докладов Междунар. науч. конф., Москва, 1–5 апреля 2009 года «Девяты Гоголевские чтения». М., 2010. С. 120.

² Вестник Европы. 1803. № 17. С. 42–59; также: Карамзин Н. М. Соч.: В 8 т. М., 1804. Т. 8. С. 253–276.

³ См.: Сапченко Л. А. Значение главы «Карамзин» в «Выбранных местах из переписки с друзьями» // Гоголь как явление мировой литературы: Сб. статей по материалам междунар. науч. конф., посвящ. 150-летию со дня смерти Н. В. Гоголя / Под ред. Ю. В. Манна. М., 2003. С. 268–272.

на другое».⁴ Это влияние очевидно применительно к позднему этапу творчества Гоголя; и действительно, в 1840-е годы имя Карамзина постоянно встречается в гоголевской переписке;⁵ впервые же оно появляется, и именно в связи с рассматриваемой темой, в письме Гоголя И. И. Дмитриеву от 20 июля 1832 года из Васильевки, написанном вскоре после их знакомства.

Гоголь познакомился с Дмитриевым в Москве, в начале июля 1832 года, и кажется, совершенно для себя неожиданно; к встрече он был не готов, даже книги «Вечеров...» у него, по-видимому, не нашлось, чтобы подарить ее Дмитриеву; о каких-либо рекомендательных письмах ничего не известно. Единственная существующая версия их встречи говорит, что инициатором ее был сам Дмитриев.⁶ Очевидец ее, А. А. Иовский, рассказывает: «„О-о! Да он так и смотрит гоголем“, — сказал он, проводивши почти до дверей автора „Мертвых душ“, проездом в свою Украину обедавшего у него. — „Завтра же пошлю за его сочинениями и перечту их снова. У него и теперь много авторского запаса. Он не говорит *Батёвщина*, *Лагарповщина*. И Лагарп и Батё имели свое время и будут всегда иметь свое место. Я благодарен, что меня ознакомили с этим молодым человеком. Я очень доволен, что его узнал: в нем будет прок“».⁷ По Лагарпу и Батте Дмитриев учился, а через годы после него учился и Гоголь;⁸ но вряд ли встреча была посвящена обсуждению этих авторов. Их именами дразнил своих литературных неприятелей Николай Полевой, попрекая их якобы принадлежностью к «французской школе Лагарпа и Батте» и вследствие этого «отличием временности», т. е. несовременностью.⁹

Дмитриев, рядом с Карамзиным и наравне с ним бывший центром литературного притяжения и одновременно объектом полемических нападений в дискуссиях начала века,¹⁰ оставался после смерти Карамзина живым симво-

⁴ Там же. С. 270.

⁵ См.: Там же. С. 269.

⁶ См.: Дерюгина Л. В. Воспоминания о встрече Гоголя с И. И. Дмитриевым в Москве: вопрос достоверности // Два века русской классики. 2021. Т. 3. № 4. С. 46–57.

⁷ Панов С. И. «Осень патриарха»: неизвестные мемуары о поздних годах Дмитриева // Иван Иванович Дмитриев (1760–1837). Жизнь. Творчество. Круг общения / Под ред. А. А. Костина, Н. Д. Кочетковой. СПб., 2010. С. 202 (Чтения Отдела русской литературы XVIII века. Вып. 6). Впервые: Гиллельсон М. И., Мануйлов В. А., Степанов А. Н. Гоголь в Петербурге. Л., 1961. С. 115, где ошибочно приписано Вяземскому; см.: Панов С. И. «Осень патриарха». С. 174.

⁸ См.: Дмитриев И. И. Соч. / Сост. и комм. А. М. Пескова и И. З. Сурач; вступ. статья А. М. Пескова. М., 1986. С. 294; Лавровский Н. А. Гимназия высших наук кн. Безбородко в Нежине. Киев, 1879. С. 75. Книги Жана-Франсуа Лагарпа (1739–1803) «Лицей, или Курс древней и новой литературы» (Lycée, ou Cours de littérature ancienne et moderne. Paris, 1799–1805. Vol. 1–16; рус. пер. 1810–1814, ч. 1–5) и Шарля Батте (1713–1780) «Курс изящной словесности, или Основы литературы» (Cours des belles-lettres, ou Principes de la littérature: В 5 т. Paris, 1747–1750) оставались главными учебными пособиями при изучении французской литературы.

⁹ См.: Полевой Н. А., Полевой К. А. Литературная критика / Сост., вступ. статьи и комм. В. Г. Березиной и И. Н. Сухих. Л., 1990. С. 57, 224.

¹⁰ Внимательный исследовательский взгляд выявляет в нем скрытого организатора и стратега литературной войны, своего рода «серого кардинала» рядом с Карамзиным, принципиально не вступавшим ни в какую полемику. «Полемика была его стихией; человек партии, не чуждый интриге, он побуждает молодежь к отпору литературным противникам; он думает о журнале с участием А. Тургенева и Жуковского, а пока что поражает неприятелей язвительной эпиграммой, пародией, тонко завуалированным памфлетом» (Вацуро В. Э. В преддверии пушкинской эпохи // Арзамас: Сборник: В 2 кн. М., 1994. Кн. 1. С. 7). В течение двух десятилетий он является «тайной пружиной» полемики, «одним из виднейших ее негласных участников», но большей частью «высказывается только в письмах <...> указывает на потенциальные объекты полемики, но сам предпочитает <...> оставаться в стороне» (Вацуро В. Э. И. И. Дмитриев в литературных полемиках начала XIX века // Вацуро В. Э. Пушкинская пора: Сб. статей. СПб., 2000. С. 46, 9, 17). «Его оружием была рукописная эпиграмма или язвительный намек в традициях сатирической журналистики XVIII в. <...> позиция его активна, а не пассивна. Он не только защищается, но и нападает, но особым образом — оставаясь в тени» (Там же. С. 20, 28). В «Письме

лом и хранителем его наследия.¹¹ Влияние его было велико. Откровенный литературный враг его Полевой вспоминал: «Меценатство Дмитриева продолжалось 40 лет, и через него прошли три поколения русских литераторов. <...> По заведенному порядку, молодой литератор не мог выйти в литературу иначе, как через кабинет Дмитриева, который всегда отзывался о своих сочинениях робко, холодно, невнимательно, что обезоруживало всех».¹² Дмитриев по-прежнему увлеченно следил за литературной жизнью: «Читал он очень много; следил постоянно за происшествиями своего времени и за литературою».¹³ Посетивший его вскоре после смерти Карамзина Вигель вспоминал: «Замечателен был мне сильный спор, который после обеда зашел о романтизме и классицизме. В Бессарабии и потом в петербургском уединении моем едва подозревал я существование первого, а тут познал, сколько силы он уже успел приобрести...».¹⁴ В критических выступлениях против Карамзина Дмитриев видел продолжение давних литературных битв; в примечаниях к своим «Запискам...» он замечал: «Лет за сорок пред сим думали возвышенный слог украшать славянчиною, а ныне молодые писатели в стихах и прозе, за исключением достойных почитателей Карамзина, признают уже устарелым и его слог правильный, ясный, обдуманый и благозвучный. Они всех предшественников своих в отечественной литературе называют учениками французской школы, вялыми подражателями. *Требования века, дух времени, народность* — вот пышные и громкие слова, непрестанно ими произносимые! По их мнению, классицизм осмнадцатого столетия — смешное школьничество; Расиновы греки — распудренные маркизы; их выражения чувств — *бесцветные, безжизненные фразы*; Лагарпов „Лицей“ — пустословие, *лагарповщина*. <...> Ныне удивляются только самородному, самостоятельному, гениальному. Но я, признаюсь, ничего подобного не замечаю в новейших наших авторах».¹⁵ Приведенные им здесь же для примера выписки «в последнем, новейшем вкусе»¹⁶ были из «Московского телеграфа», отношения с которым у сторонников Карамзина после ухода из журнала Вяземского в 1828 году и начала обсуждения «Истории...»¹⁷ Полевого превратились в настоящую литературную войну.¹⁸ В этой войне Дмитриев не слишком доверял

к издателю журнала» (1805), адресованном князю П. И. Шаликову, издателю журнала «Московский зритель», и опубликованном в первом номере его за 1806 год, он советовал создать там постоянный критический раздел и назвал рецензию «важнейшею <...> частью журнала» (*Дмитриев И. И.* Соч. С. 266; см.: *Вацуро В. Э.* И. И. Дмитриев в литературных полемиках начала XIX века. С. 28–31); и им же был найден прием «иронически-похвальной рецензии», подхваченный затем в «арзамасской» полемике (Там же. С. 43). В Москве, потом в Петербурге в его доме собирается дружеский литературный кружок двух поколений карамзинистов и позднее будущих «арзамасцев» (см.: *Письма русских писателей XVIII века.* Л., 1980. С. 437–458; комм. В. Э. Вацуро к письмам И. И. Дмитриева).

¹¹ «...со смертью Дмитриева мы как будто во второй раз теряем и погребаем Карамзина. Пока был он жив, и образ друга его был нам еще присущен. Со смертью Дмитриева и предания о Карамзине пресеклись» (*Вяземский П. А.* Полн. собр. соч.: В 12 т. СПб., 1882. Т. 7. С. 134).

¹² *Чулицкий В. М.* И. И. Дмитриев // Журнал Министерства народного просвещения. 1902. Ч. 340. № 4. С. 390; см. также: *Полевой Н. А.* Очерки русской литературы: В 2 ч. СПб., 1839. Ч. 2. С. 478–479.

¹³ *Дмитриев И. И.* Соч. С. 467–468 (воспоминания М. А. Дмитриева).

¹⁴ Там же. С. 481 (воспоминания Ф. Ф. Вигеля).

¹⁵ Там же. С. 369–370; см. также: *Взгляд на мою жизнь. Записки действительного тайного советника Ивана Ивановича Дмитриева:* В 3 ч. М., 1866. С. 98.

¹⁶ Он жаловался, что «молодые писаки коверкают слог, выражения и слова без пощады», показывал «страницы, исписанные его рукой, — слов и выражений, кои он находил в журналах того времени» (см.: *Панов С. И.* «Осень патриарха». С. 204).

¹⁷ *Полевой Н. А.* История русского народа. М., 1829–1833. Т. 1–6 (не окончена).

¹⁸ Об отношении Дмитриева к Полевому см.: *Письма русских писателей XVIII века.* С. 452 (комм. В. Э. Вацуро).

союзникам; так, о старом своем знакомом князе П. И. Шаликове, посетившем его вместе с А. А. Волковым, он заметил: «Эти господа — почитатели Карамзина у меня — я уверен, не из последних противников *карамзинщины* в конторе Телеграфа». ¹⁹ Двусмысленную позицию по отношению к Карамзину занял авторитетный для Гоголя «Московский вестник», ²⁰ а группировавшаяся вокруг него московская литературная молодежь, внешне почтительная, в переписке отзывалась о Дмитриеве иронически и недоброжелательно. ²¹ Редактор журнала Погодин, поддержанный Дмитриевым и самим Карамзиным при начале научной и литературной деятельности, в 1828 году опубликовал две статьи казанского историка Н. С. Арцыбашева с критикой «Истории государства Российского», написанные в развязной и пренебрежительной манере. ²² Они вызвали скандал, и в третьей своей статье ²³ Арцыбашев несколько умерил тон, но характер критики его не изменился. После резкой реакции друзей Карамзина, прежде всего Вяземского и Дмитриева, Погодину очень не скоро удалось восстановить испорченные отношения. ²⁴ Однако он продолжал поддерживать связи с Арцыбашевым. Позднее, в 1835 году, он послал Арцыбашеву свою вышедшую книгу «Начертание Русской Истории для училищ» и получил от него в целом положительный отзыв, но с такими замечаниями по тексту: «Карамзинщина и доказанная неправда», «Кто вам это сказывал? Карамзинщина», «Карамзинщина и ничуть невероятно» ²⁵ (ср. реплики Арцыбашева по поводу рассуждений Карамзина в третьей статье в «Московском вестнике»: «Опять сказка», «Опять собственная выдумка»).

К Карамзину-историку и до, и после встречи с Дмитриевым Гоголь относится неоднозначно. Он еще в Нежине начинает собирать материалы, делает выписки, свидетельствующие о внимательном чтении исторических трудов, в том числе и Карамзина, ²⁶ и продолжает эту работу уже в Петербурге, особен-

¹⁹ Панов С. И. «Осень патриарха». С. 205.

²⁰ «Московский вестник» Гоголь «начал читать, будучи еще в школе» (Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: В 14 т. [Б. м.], 1940. Т. 10. С. 354; письмо С. П. Шевыреву 10 марта 1835 года; далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера тома и страницы); следы этого чтения заметны в статьях «Арабесок».

²¹ Например, письмо Веневитинова Шевыреву от 25 января 1827 года: «Дм<итриев> завистлив, и ему бы хотелось уронить хоть сколько-нибудь Пушкина. Молодых же людей он никогда не похвалит, всегда видя в них соперников. Впрочем, голоса он почти не имеет. Напечатайте следующие стихи:

Четверостишие.

Я слышал, камни тебя воспитали.
Дитя, засыпал ты под басенки их.
Бессмертные дар свой тебе передали —
И мы засыпаем на баснях твоих.

В.»

(Веневитинов Д. В. Стихотворения. Проза. М., 1980. С. 393 (сер. «Литературные памятники»)).

²² См.: Московский вестник. 1828. Ч. 11. № 19–20. С. 285–318; Ч. 12. № 21–22. С. 59–91; № 23–24. С. 254–285.

²³ См.: Там же. 1829. Ч. 3. С. 29–67.

²⁴ «Чорт дернул его напечатать одну критику Арцыбашева на Карамзина в своем журнале, и это сделало ему *заклятых врагов* изо всех друзей Карамзина. Дмитриев, Блудов, и пр., и пр. подали пример, а вся остальная братия за ними. В месте ему отказано, знакомства с ним разорваны, его бранят, делают ему всякого рода неприятности, а он ни телом, ни душой не виноват, потому что сам не согласен с Арцыбашевым; а зачем напечатал? Сам чорт не разберет» (Русский архив. 1882. Кн. 3. С. 81–82; письмо И. В. Киреевского С. А. Соболевскому от 29 апреля 1829 года).

²⁵ Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина: В 22 кн. СПб., 1888–1910. Кн. 4. С. 284.

²⁶ См.: Виноградов И. А. 1) Летопись жизни и творчества Н. В. Гоголя (1809–1852): В 7 т. М., 2017. Т. 1. С. 445–447, 645; 2) «История государства Российского» в творческом наследии Гоголя // А. П. Сумароков и Н. М. Карамзин в литературном процессе России XVIII — первой трети XIX в. М., 2016. С. 141–183.

но активно — в рамках складывающегося у него замысла истории Малороссии (1832–1834). Отношение его к «Истории...» Карамзина в это время скорее полемическое: он отстаивает собственный взгляд на происхождение козачества²⁷ и прямо упрекает историографа в намерении «мнить историю»,²⁸ когда пытается оспорить его выводы, опираясь на материалы, самим Карамзиным приведенные в примечаниях и отвергнутые им же как недостоверные;²⁹ но возвращается к его версии, убедившись в тупиковости такого пути. В этой попытке не было неуважения, скорее полемический азарт; но отсюда еще очень далеко до той высочайшей оценки, которая будет дана Карамзину позднее в «Выбранных местах из переписки с друзьями». ³⁰ Можно заметить и то, что в этой своей попытке Гоголь, вероятно не намеренно, совпадал с некоторыми авторами «Московского телеграфа», которые видели в «Примечаниях» «своеобразное самоопровержение самодержавной концепции основного текста „Истории“», полагая, что истина в ней только «выводится из событий, рассказанных без пояснений, из хартий, буквально переведенных им, из исторических документов»; она, как писал французский историк А. Сен-При, «не в самом сочинении его, а в примечаниях, многочисленных и наставительных». ³¹

Прямым продолжением встречи и стало письмо Гоголя Дмитриеву от 20 июля 1832 года — оно не было ответным, а значит, сохранило неприкосновенным, как в закрытом флаконе, гоголевское живое переживание их московской встречи и беседы. ³² Для Дмитриева здесь — и вкрапления языка

²⁷ См.: Денисов В. Д. Полемика с Карамзиным в гоголевской статье «Взгляд на составление Малороссии» (1832) // Известия Волгоградского гос. педагогического ун-та. Сер. «Филологические науки». 2008. № 10 (34). С. 176–180.

²⁸ Черновой текст статьи Гоголя «Взгляд на составление Малороссии» (1833–1834) содержит прямое возражение Карамзину: «Были ли в этой земле природные рус<с>кие князья или Ханские Баскаки, я не стану исследовать, верного об этом ничего нет. А говорить о том времени, когда народ был беден и [мал] ничтожен и притом не осталось о нем ни одной черты в Истории, значит мнить <?> историю» (Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: В 23 т. М., 2009. Т. 3. С. 350, 657; подробнее об этом см.: Там же. С. 655–660). См. также: Виноградов И. А. Гоголь — художник и мыслитель: христианские основы мирозерцания. М., 2000. С. 95–96.

²⁹ О самостоятельном и до настоящего времени сохраняющемся значении этих примечаний см.: Козлов В. П. «Примечания» Н. М. Карамзина к «Истории государства Российского» // Карамзин Н. М. История государства Российского: В 12 т. М., 1989. Т. 1. С. 551–574. «Для своего времени это был добротный систематизированный свод материалов по русской истории с древнейших времен по начало XVII в., основанный на разнообразных источниках и исследованиях (отечественных и зарубежных). Значительная часть такого материала вводилась Карамзиным в научный оборот впервые. <...> Оттого, что после Карамзина отечественная историческая наука прошла путь, ознаменовавшийся многими замечательными открытиями и изданиями источников, ценность карамзинских „Примечаний“ не уменьшилась» (Там же. С. 571–572).

³⁰ «Карамзин представляет, точно, явление необыкновенное. Вот о ком из наших писателей можно сказать, что он весь исполнил долг, ничего не зарыл в землю и на данные ему пять талантов истинно принес другие пять. Карамзин первый показал, что писатель может быть у нас независим и почтен всеми равно как именитейший гражданин в государстве. Он первый возвестил торжественно, что писателя не может стеснить цензура, и если уже он исполнился чистейшим желанием блага в такой мере, что желание это, занявши всю его душу, стало его плотью и пищей, тогда никакая цензура для него не строга и ему везде просторно. Он это сказал и доказал. Никто, кроме Карамзина, не говорил так смело и благородно, не скрывая никаких своих мнений и мыслей, хотя они и не соответствовали во всем тогдашнему правительству, и слышишь невольно, что он один имел на то право. <...> Имей такую чистую, такую благоустроенную душу, какую имел Карамзин, и тогда возвещай свою правду: всё тебя выслушает, начиная от царя до последнего нищего в государстве...» (8, 266–267).

³¹ Козлов В. П. «Примечания» Н. М. Карамзина к «Истории государства Российского». С. 552 (со ссылкой на: [Сен-При А.]. Об истории России и Петра Великого, сочиненной графом Сегуром // Московский телеграф. 1829. Ч. 30. № 21. С. 72).

³² «Мне кажется, я вижу вас, нашего патриарха поэзии, в ту самую минуту, когда вы радушно протянули руку еще безызвестному и не доверяющему себе автору. С того времени мне показалось, что я подрос по крайней мере на вершок» (10, 238–239).

сентименталистской прозы, заставляющие вспомнить начало «Писем русского путешественника»,³³ и ритуальное упоминание «нашего патриарха поэзии» (т. е. самого Дмитриева), и прямое обращение к имени Карамзина: «Теперь я живу в деревне, совершенно такой, какая описана незабвенным Карамзиным. Мне кажется, что он копировал малороссийскую деревню: так краски его яркие и сходны с здешней природой» (10, 239). Принято считать,³⁴ что Гоголь здесь имеет в виду идиллические сельские картины в очерке Карамзина «Деревня» (1792) — «сельскую простоту»; «прелестные ландшафты», «долины и пригорки», «свежесть воздуха»; «благоухание изливается из колокольчиков», «свирель пастуха»; «стадо возвращается в деревню, и каждая овечка находит двор свой; но селянин еще не возвратился с поля».³⁵ Однако, возможно и отталкиваясь от «Деревни», Гоголь дальше пишет Дмитриеву совсем о другом. «Чего бы, казалось, недоставало этому краю? Полное, роскошное лето! Хлеба, фруктов, всего растительного гибель! А народ беден, имения разорены, и недоимки неоплатные. Всему виною недостаток сообщения. Он усыпил и обленивил жителей. Помещики видят теперь сами, что с одним хлебом и винокурением нельзя значительно возвысить свои доходы».³⁶ Начиная понимать, что пора приниматься за мануфактуры и фабрики; но капиталов нет, счастливая мысль дремлет, наконец умирает, а они рыскают с горя за зайцами. Признаюсь, мне очень грустно было смотреть на расстроенное имение моей матери; если бы одна только лишняя тысяча, оно бы в три года пришло в состояние приносить шестерной против нынешнего доход. Но деньги здесь совершенная редкость. Но я, думаю, уже наскучил вам статистикой здешнего края» (10, 239).

Картина, которую рисует здесь Гоголь, очень далека от изображенной в очерке «Деревня», но почти буквально повторяет «Письмо сельского жителя» (1803)³⁷ Карамзина, о связи проблематики которого с гоголевским письмом «Русской помещик» из «Выбранных мест из переписки с друзьями» упомянуто выше. «Сельский житель», от лица которого выступает Карамзин, рассказывает, как он, «сделавшись рано господином изрядного имения и бу-

³³ «Минувши заставу и оглянувшись на исчезающую Москву, я почувствовал грусть. Мысль, что все прекрасное и радостное мгновенно, не оставляла меня до тех пор, пока не присоединилась к ней другая, что через три или четыре месяца я снова увижусь с вами» (10, 239). Ср.: «Расстался с я вами, милые, расстался! <...> Милой П<е>тр<о>в провожал меня до заставы. Там <...> сел я в кибитку, взглянул на Москву, где оставалось для меня столько любезного, и сказал: *прости!* <...> Все прошедшее есть сон и тень: ах! где, где часы, в которые так хорошо бывало сердцу моему посреди вас, милые? <...> Во всю дорогу не приходило мне в голову ни одной радостной мысли, а на последней станции к Твери грусть моя так усилилась...» (*Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника / Изд. подг. Ю. М. Лотман, Н. А. Марченко, Б. А. Успенский. Л., 1984. С. 5–6 (сер. «Литературные памятники»)).

³⁴ См.: *Гоголь Н. В.* Собр. соч.: В 9 т. / Сост., подг. текстов и комм. В. А. Воропаева и И. А. Виноградова. М., 1994. Т. 9. Письма. С. 543; *Сапченко Л. А.* Значение главы «Карамзин» в «Выбранных местах из переписки с друзьями». С. 268.

³⁵ *Карамзин Н. М.* Соч. Т. 7. С. 168–180. «Деревня» давно уже была хрестоматийным образцом русской прозы; так, Вяземский вспоминал, что на уроке в пансионе при петербургском Педагогическом институте, где он некоторое время учился, ее переводили на французский язык (см.: *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. XXVI).

³⁶ А. А. Назаревский приводит слова одного из ближайших соседей Гоголей, миргородского дворянина XVIII века Ивана Черныша, который писал, что «для помещиков есть *единственно главнейшая* в доходе хозяйственная *выгода* в денежном перевороте: *хлебопашество, винокурение и продажа вина выкуриваемого*, который переворот доставляет помещикам на необходимые нужды денежный доход, а хлебопашцам продажей хлеба и выручкой денег за труды также приносит выгодную пользу» (*Назаревский А. А.* Из архива Головки // Н. В. Гоголь. Материалы и исследования: В 2 т. М.; Л., 1936. Т. 1. С. 332 (Литературный архив)). О значении винокурения в хозяйстве имения Гоголей Васильевки см.: Там же. С. 341–343.

³⁷ *Карамзин Н. М.* Избр. соч.: В 2 т. М.; Л., 1964. Т. 2. С. 288–296 (впервые: Вестник Европы. 1803. № 17; подп.: Лука Еремеев).

дучи <...> напитан духом филантропических авторов», отдал всю землю крестьянам и «как поэт воображал богатые нивы, пажити, полные житницы, избыток, благоденствие и сочинял уже в голове своей письмо <...> о счастливых плодах свободы», но, вернувшись, нашел «бедность, поля, весьма худо обработанные, житницы пустые, хижины гниющие»: «Воля, мною им данная, обратилась для них в величайшее зло: то есть в волю лениться и предаваться гнусному пороку пьянства...». Начало спаивания народа Карамзин, как историк, относит ко времени Бориса Годунова, но нынешнее положение крестьян ставит в вину современным помещикам, «ибо в редкой деревне нет питейного дома». ³⁸ «Крестьяне мои знают, что я, подобно другим, мог бы завести винный завод <...> взять винную поставку и нажиться скорее, нежели от земледелия. Я требую от них работы, но единственно той, для которой человек создан и которая нужна для самого их счастья. Они ленились, пили и терпели недостаток; ныне работают весело, пьют только в гостях у своего помещика и не знают нужды. Сверх того, обхождение мое с ними показывает им, что я считаю их людьми и братьями по человечеству и христианству... <...> Главное право русского дворянина — быть помещиком, главная должность его — быть добрым помещиком; кто исполняет ее, тот служит отечеству как верный сын, тот служит монарху как верный подданный...». ³⁹ Очевидно, что Гоголь в письме Дмитриеву рисует похожую картину: на фоне природного изобилия — всеобщее разорение; процветание винокурения, уничтожающего народ; от безнадежности крестьяне «обленивели», ⁴⁰ а помещики «рыскают с горя за зайцами». Эта «лень», по Карамзину, «от незнания выгод трудолюбия», ⁴¹ т. е. от недостатка просвещения в народе; ⁴² Гоголь же ее объясняет «недостатком сообщения», ⁴³ который «усыпил и обленивил жителей»; позднее он будет таким же образом объяснять общую экономическую неразвитость Малороссии. ⁴⁴ Гоголь видит выход в обращении к новым, промышленным формам хозяйствования; Карамзин предлагает традиционную, но разумную и строго контролируруемую организацию хозяйства, с первостепенной ролью помещика: «С некоторого времени хлебопашество во всех губерниях приходит в лучшее состояние: от чего же? От старания помещиков: плоды их

³⁸ Там же. С. 289–290.

³⁹ Там же. С. 296.

⁴⁰ Ср. в письме Гоголя матери из Петербурга от 3 января 1829 года: «Я много виноват пред вами, почтеннейшая маминька, что не писал вам тотчас по моем прибытии в столицу. На меня напала хандра или другое подобное, и я уже около недели сижу поджавши руки и ничего не делаю. Не от неудач ли это, которые меня совершенно обравнодушили ко всему» (10, 136).

⁴¹ Карамзин Н. М. Избр. соч. Т. 2. С. 292.

⁴² Карамзин хорошо знал, насколько тяжел крестьянский труд — ср.: «Я послал бы всех роскошных людей на несколько времени в деревню, быть свидетелями трудных сельских работ и видеть, чего стоит каждый рубль крестьянину: это могло бы излечить некоторых от суетной расточительности, платящей сто рублей за ананас для десерта» (Карамзин Н. М. Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени // Там же. С. 276; впервые: Вестник Европы. 1802. № 12. С. 314–331).

⁴³ И в этом он тоже следует Карамзину; ср. его наказ: «Во-первых, заплатите долги свои; во-вторых, приведите крестьян ваших, если можно, в лучшее состояние; а потом оставьте отечеству памятники вашей жизни. Сделайте что-нибудь долговременное и полезное; учредите школу, госпиталь; будьте отцами бедных и превратите в них чувство зависти в чувство любви и благодарности; ободрите земледелие, торговлю, промышленность; способствуйте удобному сообщению людей в государстве: пусть этот новый канал, соединяющий две реки, и сей каменный мост, благодеяние для проезжих, называется вашим именем!» (Карамзин Н. М. Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени. С. 276).

⁴⁴ «В Днепр впадает только одна судоходная река, Десна, <...> на севере Остер и часть Сейма, на юге Сула, Прсел, с цепью видов, Хорол и другие; но ни одна из них не судоходна. Сообщения никакого нет; произведения не могли взаимно размениваться — и потому здесь не мог и возникнуть торговый народ» (Гоголь Н. В. Взгляд на составление Малороссии // Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем. Т. 3. С. 85–86).

экономии, их смотрения наделяют избытком рынки столиц. Если бы они, приняв совет иностранных филантропов, все сделали то же, что я прежде делал: наложили на крестьян оброк, отдали им всю землю и сами навсегда уехали в город, то я уверен, что на другой год пришло бы гораздо менее хлебных барок как в Москву, так и в Петербург».⁴⁵

Как и в отношении исторических материалов, Гоголь пользуется карамзинским описанием ситуации, но предлагает другое решение. Очень скоро ему пришлось на собственном опыте убедиться в его неэффективности. Почти словами Карамзина он говорил, обобщая, о проблемах своего семейства: зять его Павел Осипович Трушковский (1808–1836),⁴⁶ по воспоминаниям сестры Гоголя Ольги Васильевны, «очень красивый», но совершенно безденежный,⁴⁷ мог бы быть примером неудачливого помещика-реформатора и при этом страстного охотника.⁴⁸ «Завел парники и виноград и табачную плантацию, <...> после затеял кожевенную фабрику, ввел мать в долги (ей пришлось продать свой хутор в Кременчугском уезде, такой, как Косяровщина, который ей достался в приданое, кроме того, заложили половину Васильевки), и на этой фабрике прогорел», — вспоминала О. В. Головная.⁴⁹ Именно в 1832 году М. И. Гоголь по просьбе своего зятя П. О. Трушковского завела в имении кожевенную фабрику. Гоголь, по-видимому, сначала поддержал это предприятие, хотя и относился к нему с осторожностью. «В тот год приехал сын мой и советовал нам начать с маленького масштабу», — вспоминала М. И. Гоголь.⁵⁰ Однако позднее руководивший делом заезжий «фабрикант», «шарлатан, австрийский подданный» убедил их не терять времени даром. Было закуплено большое количество кож, наняты рабочие. Но «фабрикант» оказался мошенником и пьяницей, он продавал товар на стороне, деньги растратил и в конце концов сбежал, бросив производство. «Наконец умер, и столько наделал долгов, занимая в разных руках, что должны были заложить Васильевку, чтоб с ними расплатиться, на 26 лет и платить по 500 рублей серебром проценту. И винокурня уничтожена, земляная мельница уничтожена для толчения дубовой коры на выделку кож, — и совершенно осталось нам расстроенное имение».⁵¹ Печальна была и судьба Трушковского. «Помню, как он ездил на охоту, несмотря ни на какую погоду, даже по ночам, отчего сильно простудился и умер, оставив жену с двумя сыновьями, — вспоминала О. В. Головная. — После его смерти, через шесть недель, родился третий сын. И так до самой смерти жила она с нами. Незавидная ее доля. <...> Вскоре после смерти Трушковского два младшие сына умерли».⁵² Но еще до этих событий в эпилоге «Старосветских помещиков» появился фрагмент о том, как после смерти «добрых старичков» в усадьбу приехал наследник, «служивший прежде поручиком, <...> страшный реформатор», который решил все «искоренить, исправить и ввести во всем порядок»: «Накупил шесть прекрасных английских серпов,

⁴⁵ Карамзин Н. М. Избр. соч. Т. 2. С. 292–293.

⁴⁶ Брак его с сестрой Гоголя Марией Васильевной (1811–1844) был заключен в начале 1832 года.

⁴⁷ «...он не имел никаких средств к жизни, кроме службы в чертежной <...> Они остались жить у нас, потому что у него не было средств даже квартиру нанять. Он ездил на службу в Полтаву, а большую часть жил у нас» (Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников: Полный систематический свод документальных свидетельств: В 3 т. / Изд. подг. И. А. Виноградов. М., 2011. Т. 1. С. 196).

⁴⁸ Среди принадлежавших О. В. Головной материалов сохранился рисунок, изображающий П. О. Трушковского на охоте (см.: Там же. С. 383).

⁴⁹ Там же. С. 196.

⁵⁰ Там же. С. 54; см. также письмо Гоголя матери от 22 ноября 1833 года; в письме от 8 июня 1833-го: «Сколько раз я проклинал мысленно эту сапожную фабрику <...> Зачем нам деньги, когда они ценою вашего спокойствия?» (10, 270); в письме от 12 апреля 1835-го: «...вспомните, как я вам отсоветовывал заводить фабрику» (10, 360).

⁵¹ Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 1. С. 54.

⁵² Там же. С. 196.

приколотил к каждой избе особенный номер, и наконец так хорошо распорядился, что имение через шесть месяцев взято было в опеку. <...> Избы, почти совсем лежавшие на земле, развалились вовсе; мужики распьянствовались и стали большею частию числиться в бегах. Сам же настоящий владетель <...> приезжал очень редко в свою деревню и проживал недолго» (2, 38).

К 1832 году изложенные в «Письме сельского жителя» соображения, как и более ранние обращения Карамзина к дворянству с призывом «наконец поселиться дома», в прямом и переносном смысле,⁵³ разумеется, не были для Гоголя новостью.⁵⁴ Но можно предположить, что именно неожиданная для Гоголя встреча и беседа с Дмитриевым о Карамзине освежили статью в его сознании, а возможно и заставили ее перечитать; содержание ее легло на реальные хозяйственные проблемы. Можно при этом заметить, что предложенное Гоголем решение этих проблем, в отличие от предлагавшегося Карамзиным, никак не касается отношений с крестьянами; тезис Карамзина: «Сверх того, обхождение мое с ними показывает им, что я считаю их людьми и братьями по человечеству и христианству», — пока не имеет соответствия. Гоголь обратится к этой стороне темы только в «Мертвых душах» и письме «Русской помещик», по-своему возвращаясь к Карамзину, как возвращался и раньше, в случае с трактовкой исторических событий.

⁵³ Карамзин Н. М. Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени. С. 275.

⁵⁴ Уже в письме матери от 24 июля 1829 года, говоря о нежелании служить и «не иметь силы принести на копейку добра человечеству», служить «для того, чтобы не сидеть дома, не бить баклуши», Гоголь далее, в частности, замечал: «Еще глупее те, которые оставляют отдаленные провинции, где имеют поместья, где могли бы быть хорошими хозяевами и принести несравненно более пользы, или, если уже дворянину непременно нужно послужить, служили бы в своих провинциях; так нет, надо потаскаться в Петербург, где мало того что ничего не получают, но сколько еще перетаскают денег из дому, которые здесь истребляют неприметно в ужасном количестве» (10, 146; хотя в том же письме сам он непоследовательно послал матери «отречение от своей части имения» в качестве возмещения потраченных на заграничную поездку средств — см.: Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 1. С. 154; письмо А. В. Гоголь А. М. Черницкой, 1889 год).

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-4-37-41

© В. Я. ЗВИНЯЦКОВСКИЙ

НАПОЛЕОНОВСКИЕ ВОЙНЫ В «МИРГОРОДЕ» Н. В. ГОГОЛЯ

«От дворянина Миргородского повета и помещика Ивана, Иванова сына, Перерепенка прошение; а о чем, тому следуют пункты:

1) Известный всему свету своими богопротивными, в омерзение приводящими и всякую меру превышающими законопреступными поступками, дворянин Иван Никифоров, сын Довгочхун, сего 1810 года июля 7 дня учинил мне смертельную обиду...»¹

На первом пункте мы и остановимся: для комментатора он важнее остальных, ибо позволяет точно датировать ссору двух Иванов и таким образом понять тот исторический фон, на котором она происходит.

Только на первый взгляд кажется, что в гоголевской повести речь идет о «вечных», «общечеловеческих» взлетах (дружба Иванов) и падениях (ссора

¹ Гоголь Н. В. Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем // Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: В 14 т. [Б. м.], 1937. Т. 2. С. 248. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера тома и страницы.